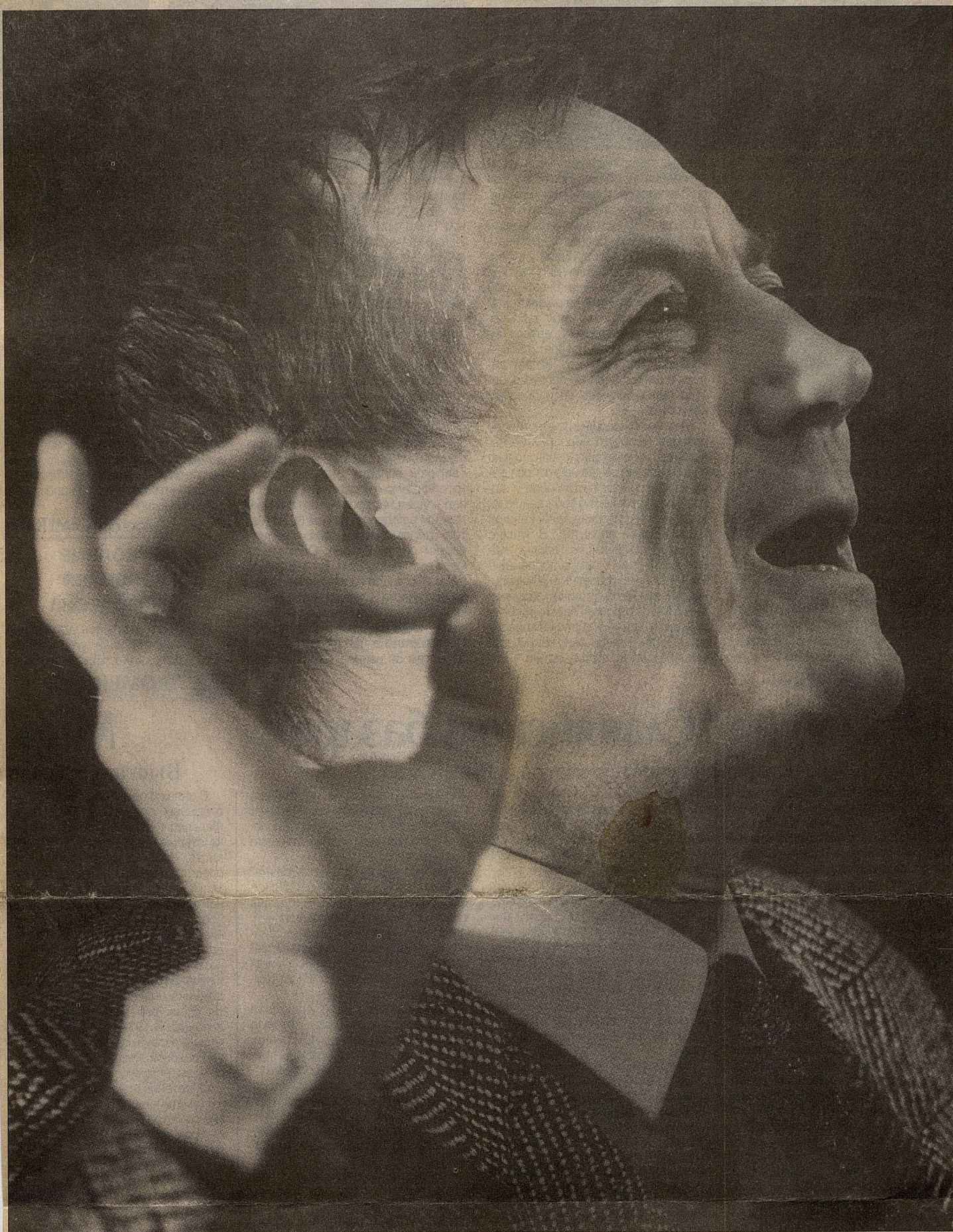

Культура. — 2008. — 18-24 июля. — С. 1, 12

Евгению
Евтушенко

"Я человек — ВОТ МОЙ ДВОРЯНСКИЙ ТИТУЛ"

Е. Евтушенко
Фото Бориса КРЕМЕРА

50
О себе и о своем поколении Евгений Александрович Евтушенко образно сказал в своем выступлении на V съезде советских писателей в 1971 году: "Мы — дети XX съезда, раз и навсегда осудившего культ личности и практику отношения к человеку как к винтику..."

Слава поэта Евтушенко часто бывала скандальна. Но притягательность его поэзии в том и была, что в своем творчестве он не боялся касаться болезненных тем, о которых вслух не каждый осмеливался говорить.

1961 год. "Литературная газета" печатает стихотворение Евтушенко "Бабий Яр". Тираж газеты разле-

тается из киосков за считанные часы. Читающая публика была в шоке от такой дерзости поэта — еще бы, он посмел заговорить остро, прямо и беспощадно об антисемитизме. Да как заговорить! Люди плакали, читая и слушая стихотворение.

Но было немало и таких, которые обрушились на поэта с жесткой критикой. В чем только его не упрекали: он антипатриот, космополит, предатель русского народа...

Композитор Шостакович заинтересовался "Бабьим Яром" и положил слова этого стихотворения в основу своей знаменитой симфонии № 13, первые исполнения которой в концертных залах Москвы и

Минска в 1962 году вызывали бурный всплеск эмоций — от восторга и рыданий, до озлобленной критики и резких писем в ЦК КПСС: как, мол, допустили, как позволили такое?

В результате Идеологический отдел ЦК КПСС внес предложение в Секретариат ЦК КПСС: "Ограничить исполнение 13-й симфонии Шостаковича".

И ограничили.

1962 год. "Правда" публикует стихотворение Евтушенко "Наследники Сталина" (по прямому указанию Н.С.Хрущева), вызвавшее негодование у ортодоксальной части партийной номенклатуры и

одобрение многих рядовых и нерядовых читателей и слушателей. Стихотворение это долгие годы не пропусклось цензурой в выходившие сборники поэзии Евтушенко. Словно и не было такого стихотворения...

1963 год. Поездка поэта за границу и опубликование там в западно-германском журнале "Штерн" и во французском "Экспрессе" своей "Преждевременной биографии рано созревшего молодого человека". Это была бесцензурная и не санкционированная властями публикация советского поэта в буржуазных изданиях.

(Окончание на 12-й стр.).

“Я человек — вот мой дворянский титул”

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Что тут поднялось! Союз писателей СССР проводит специальный пленум правления “За высокую идейность и художественное мастерство советской литературы”, героем которого и стал Евтушенко со своей “Преподвеченной биографией...”

Против Евтушенко были выпущены “ортодоксальные” мэтры литературы, которые клеймили позором поведение поэта Евтушенко и его произведение, определяя и то, и другое как политически вредное, антипартийное и даже антисоветское.

Евтушенко вышел на трибуну пленума, чувствуя враждебный настрой аудитории. Он понимал, что многие из собравшихся в зале были готовы разорвать его на куски за то, что он посмел вести себя не так, как “положено” советскому писателю (один из выступавших писателей из Ростова-на-Дону кричал с трибуны: “Почему незрелых Душек посылают в Европу? Не умеете смотреть советскими глазами за границей — сидите дома!”).

Евтушенко чутко улавливал настроения зала и, то отбиваясь от критики, то признавая ошибки и заявляя о своей верности идеям коммунизма, старался сбить агрессивный настрой зала. Он говорил: “Здесь прозвучали тяжелые обвинения в мой адрес. Мой гражданский долг — не прятаться в кусты, а дать объяснение... Да, я часто ошибаюсь, мечусь и заслуживаю, наверное, очень суровой критики. Но я утверждаю, что в моей “Автобиографии” нет антисоветских мотивов, а если они есть, то вся моя поэзия, значит, антисоветская. Ибо “Автобиография” — это то, что я писал в стихах, опубликованных в Советском Союзе... Я вовсе не хочу сказать, что не чувствую вины за факт напечатания “Автобиографии”... Я сознаю свою ошибку и постараюсь исправить ее дальнейшей своей работой!”

Ну что тут скажешь? И обвинения оспорены, и ошибки признаны, и обещания даны “исправиться”...

Назавтра в отчете “Литературной газеты” было сказано: “На пленуме было уделено много внимания ошибкам в творчестве и поведении Евтушенко. Идеиная и политическая незрелость Е.Евтушенко проявилась не только в ряде стихотворений, но — с особенной отчетливостью — в его “Автобиографии”, перепечатанной во французском еженедельнике “Экспресс”... Естественно, это сочинение используется сейчас буржуазной пропагандой в антисоветских целях”.

Не только “Литературная газета”, но и другие органы печати были заполнены откликами и оценками прошедшего пленума Союза писателей СССР. Конечно, все осуждали и порицали Евтушенко.

Но жизнь показывала, что официальная ругань и критика в газетах лишь возбуждали интерес и сочувствие к личности и творчеству Евтушенко.

О поэтах своего поколения Евтушенко позже говорил так: “Шестидесятники” — это поколение, генетически предрасположенное к страху, но начавшее его преодолевать”.

Они не были одинаковы, “шестидесятники”. Сам Евтушенко преодолел свои страхи, умело приспосабливаясь к постоянно меняющимся политическим обстоятельствам времени, избрав манерой своего поведения “сложную позиционную борьбу”. Есть у него и открыто политические, злободневные стихотворения (“Бабий Яр”, “Наследники Сталина”, “Письмо к Есенину”), есть и произведения, в которых проблемы нашей жизни того времени подавались под видом разговора об американской действительности. Таковы его “Монолог американского писателя”, “Монолог американского пса на Аляскинской звероферме” и многие другие.

Немало и стихотворений, в которых Евтушенко пишет о реальных случаях из своей личной жизни, но, накладываясь на политическую злобу дня, стихотворения эти приобретали иной характер и воспринимались многими как прямая отсылка поэта на политические события времени. Таковы, например, “Качка” (октябрь, 1964 год — снятие Хрущева с

поста руководителя КПСС), “Глаз по брату” (совпавший с высылкой из страны А.И.Солженицына). А стихотворения “Карликовые березы” и “Баллада о браконьерстве” воспринимались как протест против удушающих идеологических тисков и вызвали неподдельный интерес у молодежи и гнев у литературного и партийного начальства.

Не очень-то жаловала Евтушенко и его тогдашних друзей-поэтов московская литературная среда. В марте 1965 года на съезде писателей России поэт Сергей Наровчатов назвал их (Евтушенко, Вознесенского, Рождественского) “...блудными сыновьями поэзии”.

Цензура пристальнейшим образом следила за публикациями Евтушенко. Каждое стихотворение поэта проходило в печать с большими трудностями и нервотрепкой, что, конечно, выводило его из себя. Он писал письма секретарям Союза писателей, в ЦК КПСС, протестуя против запретов цензуры. Я не раз помогал ему. Памятью об этом стоят в моей домашней библиотеке книги Евтушенко: “Поэт в России — больше, чем поэт” с надписью: “Дорогому Альберту Андреевичу Беляеву с благодарностью за помощь в издании этой книги. Дружески и от всей души. Евг. Евтушенко”; “Утренний народ. Новая книга стихов” (1978) с надписью: “...с благодарностью за помощь в публикации этой книги. Со старой дружбой. Евг. Евтушенко”; “Талант есть чудо неслучайное. Книга статей” (1980) с надписью: “...с благодарностью за помощь с этой книгой и с дружбой. Евг. Евтушенко”.

Однако сопротивление цензуры преодолевать удавалось не всегда. И часть стихотворений Евтушенко дождалась своего опубликования многие годы. К примеру, “Письмо к Есенину”, прочитанное поэтом в Колонном зале Дома союзов 4 октября 1965 года на вечере, посвященном 70-летию со дня рождения Есенина, было напечатано лишь через 22 года!

Вечер транслировался телевидением в прямом эфире. И Евтушенко воспользовался этим, чтобы на весь Советский Союз продекламировать:

...Есенин, милый, изменилась Русь,
Но сеставать, по-моему, напрасно,
И говорить, что к лучшему, — боюсь,
Ну, а скажите,

что к худшему, — опасно.
Какие стройки, спутники в стране!
Но потеряли мы в пути неровном
И двадцать миллионов на войне,
И миллионы — на войне с народом.
Забыв об этом, память отрубив?
Но где топор, что память

враз отрубит?
Никто, как русские,
так не спасал друзей,
Никто, как русские,
так сам себя не губит.

И тут спохватившееся телена-
чальство срочно выключает прямую
эфир под предлогом “технических
неполадок”. А Евтушенко, глядя на
сидевшего в первом ряду президиума
собрания первого секретаря ЦК
ВЛКСМ Сергея Павлова, гремел с
трибуны:

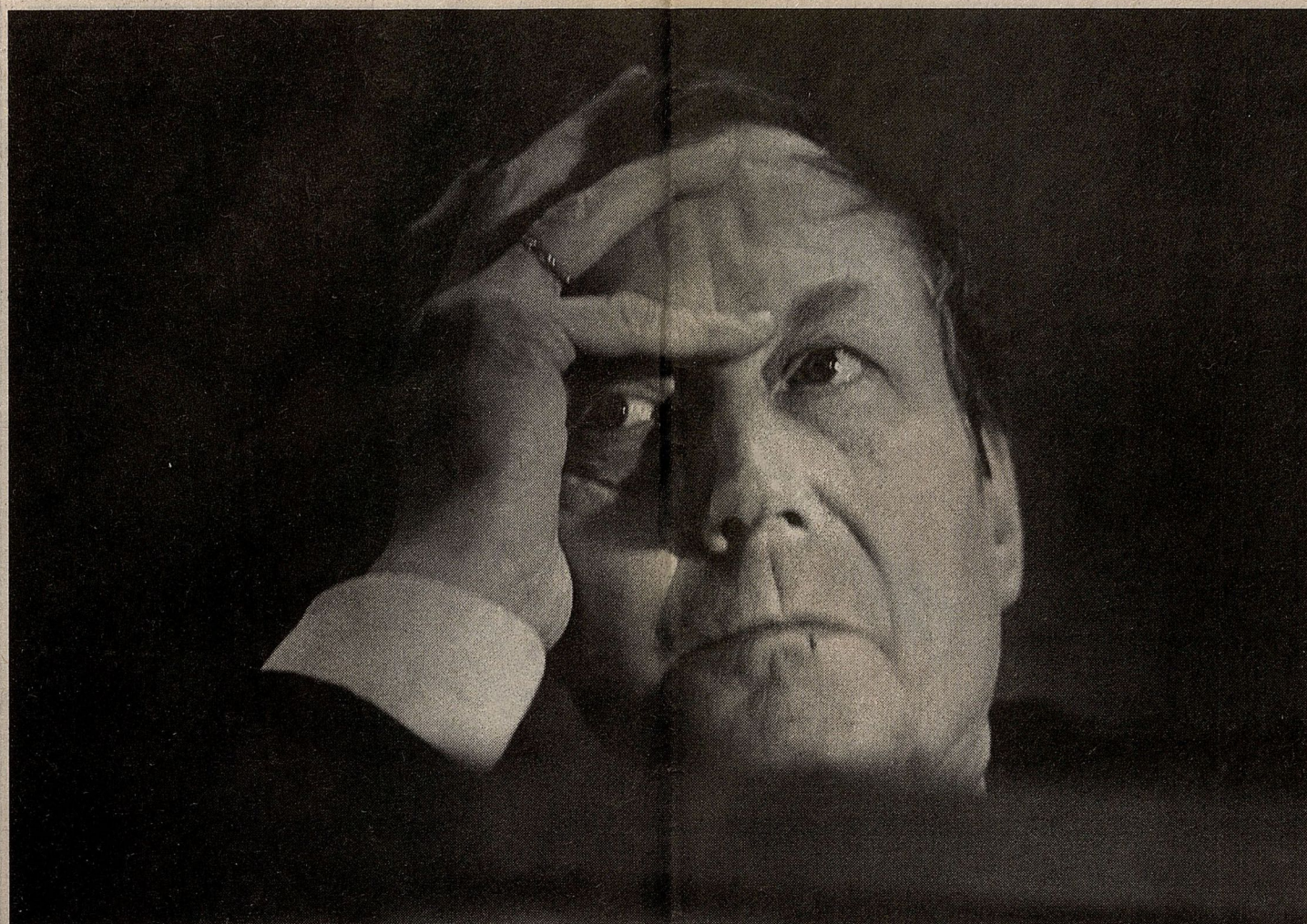
Когда румяный
комсомальский вождел
На нас, поэтов, кулаком грохочет,
И хочет наши души мять, как воск,
И выпендить свое подобие хочет,
Его слова, Есенин, не страшны,
Но тяжело быть от этого веселым,
И мне не хочется, поверь,

задрать штаны,
Бежать вослед
за этим комсомолом.

Неслыханный скандал! Зал грохотал аплодисментами, в президиуме сидел, красный от гнева, Павлов, не зная, что делать... А Евтушенко, дочитав до конца стихотворение, ушел с вечера.

С Евтушенко, конечно, состоялись нравоучительные беседы в Союзе. Но жизнь текла своим чередом. Евтушенко опубликовал несколько подборок “правильных” стихотворений и восстановил, так сказать, свое репутацию советского поэта. На VI съезде советских писателей (1967) его впервые избрали в состав Правления Союза писателей СССР.

Мирное сосуществование поэта Евтушенко с Союзом писателей и властями было взорвано неистой телеграммой поэта Генсеку ЦК КПСС Л.И.Брежневу в августе 1968

года с протестом против ввода войск Варшавского договора в Чехословакию. Написанное тогда же стихотворение Евтушенко “Янки идут по Праге”, конечно же, не было напечатано в СССР, но широко разошлось по стране в списках.

Как объяснял позже Евтушенко, для него ввод войск в Чехословакию был потрясением, крушением всех его надежд на возможность социализма с “человеческим лицом”.

Телеграмма Евтушенко была озвучена по всем зарубежным радиостанциям, вещающим на Советский Союз. У нас все было тихо. Словно ничего и не было. Шли кабинетные проработки поэта, от которых он вскоре уехал в Казань работать над поэмой “Казанский университет”, в которой действующим лицом был и студент университета Владимир Ульянов.

Видимо, и в Политбюро состоялся разговор о поведении Евтушенко, ибо однажды секретарь ЦК КПСС по идеологии П.Н.Демичев, анализируя волну критических разговоров среди части писательского актива, сказал по поводу Евтушенко, что при всех издержках его поведения, надо сдерживать эмоции не в меру ретивых ортодоксов, готовых затоптать поэта в грязь. Пусть критикуют, но не надо стремиться уничтожать его как поэта.

Вскоре Союз писателей предложил Евтушенко поехать в воюющий Вьетнам. Евтушенко поехал в эту страну, написал там цикл острых антивоенных стихотворений и поэму “Дорога номер один” — о героической борьбе вьетнамского народа против американских агрессоров.

В 1972 году Евтушенко отправился в поездку по США. Не без труда добился он разрешения. Против выступил Московский горком КПСС. Записку с решительными возражениями против такой поездки подписал член Политбюро первый секретарь МГК КПСС В.Гришин.

Отдел культуры ЦК КПСС выступил в поддержку предложения Союза писателей СССР о направлении поэта в США. Таким образом, на Секретариате ЦК КПСС рассматривались два мнения — отрицательное МГК КПСС и положительное Союза писателей СССР и Отдела культуры ЦК КПСС.

Секретариат ЦК КПСС возражения МГК КПСС отвел. М.Суслов сказал, что Евтушенко, конечно, допускает серьезные ошибки в своем творчестве и поведении, но не следует перестраховываться. Евтушенко ездил во Вьетнам, написал очень неплохие стихи и по-

эму о борьбе вьетнамского народа за свою независимость. Вот пусть он эти стихи и поэму и почитает американскому народу.

Во время поездки по США Евтушенко не давал поводов для упреков. Посол СССР в США Добрынин сообщал об успешном пребывании поэта в Америке. Он собирает на свои поэтические вечера до десяти тысяч слушателей, что для Америки небывало. Широко подает его и пресса, печатает его стихи о Вьетнаме. Посол просил дать об этом информацию в советской прессе.

Однако сектор США Международного отдела ЦК КПСС возразил против этого, и, более того, потребовал отозвать Евтушенко из Америки, так как лидер Компартии США Гэс Холл возмущен отказом Евтушенко встретиться с активисткой Компартии США Анджелой Дэвис.

А в это время посол Добрынин информирует, что Евтушенко решил продлить командировку еще на месяц (в Москве, мол, не возражали против такого продления в случае успеха). И улетел во Флориду.

Союз писателей дал телеграмму Добрынину с отказом продлить командировку Евтушенко и просил посла руководствоваться этим решением и “сложившимися обстоятельствами”.

Я занимал в этом вопросе позицию простую и, на мой взгляд, очевидную: нельзя через океан затевать перебранку с Евтушенко. За чем нам превращать его в невозвратного? Когда вернется — тогда и можно будет спросить его, почему он не выполняет решения о сроках поездки. Мои доводы начальство не приняло во внимание. Бесплодные телеграммы с требованием немедленно возвратиться шли за океан в никуда — до Евтушенко они просто не доходили, ибо он переезжал из города в город.

Он вернулся на родину, как и соби-
щал, 15 апреля. Москва была занята подготовкой к визиту президента США Никсона. По сценарию предусматривалась встреча Никсона в Союзе писателей СССР, в том числе и с Евтушенко. И на приезд Евтушенко обратила внимание, пожалуй, одна тамошняя, отбрав у него много привезенной из Америки литературы, запрещенной у нас. В начале 1974 года председатель Гос-
телерадио СССР Лапин договорился о проведении вечера поэзии Евтушенко в Колонном зале Дома союзов с прямой трансляцией по теле-
видению. О чем и было оповещено в программе передач, напечатанной 11 февраля. А 13 февраля был опу-

бликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о высылке из страны Солженицына. 12 февраля Евтушенко, узнав об аресте писателя, поздно вечером дозвонился до председателя КГБ Ю.Андропова и заявил, что, если хоть один волос упадет с головы Солженицына, он, Евтушенко, покончит с собой. (В книге “Волчий паспорт” поэт написал об этом более романтично: “...если великого лагерника посадят, я буду готов умереть на баррикадах”.)

На имя Брежнева Евтушенко отправил телеграмму, в которой уже в более умеренных тонах высказывал опасения за судьбу Солженицына.

Узнав об этих акциях протеста, Лапин немедленно отменил объявленный на 16 февраля поэтический вечер Евтушенко с прямой трансляцией по телевидению.

В ответ Евтушенко направил в ЦК КПСС недогодующее письмо с возражениями против отмены своего вечера поэзии. И распространил это письмо во множестве копий по Москве.

18 февраля собрались секретари Союза писателей СССР, РСФСР и Московской писательской организации. Это было собрание аппаратных функционеров и некоторых редакторов литературных журналов. Выступили 15 человек. В выражениях своих чувств к Евтушенко не стеснялись: поэт был обозван “политической проституткой” (С.Михалков), “политическим авантюристом и прохвостом” (С.Наровчатов), “беспринципным человеком” (С.Баруздин) и т.п.

Было высказано немало благих пожеланий о том, что и как надо сделать, чтобы все общество “враз и навсегда” отвернулось от Евтушен-
ко с презрением и забыло его.

О состоявшемся совещании была направлена информация в Политбюро ЦК КПСС. Как передавал позже П.Н.Демичев, Политбюро в целом с одобрением отнеслось к критике Евтушенко, прозвучавшей на этом совещании, но рекомендовало не прибегать к крайним мерам, не устраивать расправу. Наша цель не отослать, а исправлять. Надо пошире разъяснить, что высылка Солженицына из страны — мера исключительная.

Отмена широко объявленного творческого вечера с трансляцией по телевидению вызвала новый прилив массового сочувствия к обиженному властями поэту.

А Евтушенко уехал на КамАЗ, в город Набережные Челны в командировку от “Литературной газеты” и

собирался написать там что-то грандиозное. Там он бывал на заводах, в общежитиях, на вопросы о Солженицыне отвечал коротко: “Я приехал сюда работать. Политиком я не занимаюсь”.

Он действительно упорно работал — писал стихотворения, поэмы, романы. Но по-прежнему многие из его новых произведений “стопорились” цензурой.

Так был остановлен цензурой роман “Ягодные места”, подготовленный к печати в журнале “Москва”. Секретарь ЦК КПСС по идеологии М.В.Зимин поручил Отделам пропаганды и культуры рассмотреть замечания Главлита и решить, что делать с романом. Мы собрались, изучили замечания Главлита, увидели, что в них много надуманных обвинений и домыслов. Автор быстро про-
вел косметическую правку, что-то сократил, что-то подправил. С общего согласия мы доложили в ЦК КПСС запиской, что автор доработал роман и в данном виде роман можно было бы передать “на усмотрение редколлегии журнала”. И получили согласие Секретариата ЦК КПСС. Казалось бы, вопрос решен. А нет! Заместитель начальника Главлита Фомичев заявил, что его не удовлетворяет проделанная работа и он не подпишет роман в печать.

Я тут же доложил М.В.Зимину о претензиях Фомичева и показал их полную несостоятельность. Зимин посоветовал позвонить начальнику Главлита П.К.Романову и сказать ему, что раз Секретариат ЦК КПСС решил передать вопрос о печатании романа на усмотрение редколлегии журнала, то Главлит обязан выполнить это решение.

Я так и сделал. Опытный аппаратчик П.К.Романов мгновенно все понял и заверил, что роман сегодня же будет подписан к печати. Роман благополучно вышел в свет и был хорошо принят общественностью.

Та же история повторилась в 1985 году и с поэмой “Фуку!”. Редколлегия журнала “Новый мир”, признав поэму “крупным явлением советской политической поэзии”, поставила ее в девятый номер журнала. Главлит за-
стопорил публикацию.

Евтушенко прислал в редакцию журнала “Новый мир” письмо, в котором с горечью отмечал: “На протяжении стольких лет моей работы Главлит пытается поставить крест на многих лучших моих произведениях — на поэме “Братская ГЭС”, на песне “Хотят ли русские войны”, на романе “Ягодные места”... еще совсем недавно Главлит

поставил крест на моей поэме “Мама и нейтронная бомба”... Поэма была опубликована наперекор Главлиту и получила Государственную премию СССР... Прошу редакцию довести эту поэму (“Фуку!”) до сведения нашего ЦК и положить к ней решение редколлегии и мое письмо...”

Так поэма “Фуку” попала к секретарю ЦК КПСС по идеологии, члену Политбюро Е.К.Лигачеву. По его поручению Отделы пропаганды и культуры рассмотрели очередную коллизию, попросили автора провести косметическую доработку поэмы и доложили Е.К.Лигачеву, что нет оснований задерживать ее публикацию. Лигачев согласился с мнением отделов, и поэма увидела свет в журнале “Новый мир”.

В январе 1986 года я был назначен главным редактором газеты ЦК КПСС “Советская культура”. Когда родилась идея открыть в газете рубрику “Прямая речь” для свободного и открытого разговора творческой интеллигенции о путях перестройки нашего общества и образа жизни, я пригласил Евгения Евтушенко открыть рубрику своей статьей. И он дал нам статью “Личное достоинство”. Статья вызвала большой отклик у читателей, завязалась дискуссия. Евтушенко и дальше сотрудничал с нашей газетой.

В годы перестройки Евтушенко был избран народным депутатом СССР, участвовал в работе первых съездов народных депутатов, о чем впоследствии написал горькие строки: “Небрежные родители свободы, /Мы как могли, так принимали роды, /Преступно неумелые отцы”.

Потом он уехал в Америку, где преподавал по контракту в одном из университетов страны. Книга навестившего Россию, проводит свои творческие вечера, выпустил книгу “Волчий паспорт”, в которой рассказывает о своем жизненном пути и творчестве, стараясь быть предельно искренним и правдивым.

В книге есть примечательная оговорка: “...всем мемуарам: в том числе и этим надо верить — ну, как бы это помня сказать — “с допуском”.

Оговорка, думается мне, уместная. Читая, к примеру, описание Евтушенко своей поездки в Вьетнамскую по приглашению М.А.Шолохова, я не могу избавиться от ощущения определенной предвзятости автора. Особенно огорчительно было читать в книге Евтушенко странный пассаж о том, что “если даже Шолохов и воспользовался чьими-то рукописями при работе над романом, то я все равно ему благодарен за то, что он эти рукописи спас от исчезновения. Надо бы только вовремя признать в этом”.

Никаких фактических оснований для оскорбительных подозрений в “платиже” в природе не существует. А на домыслы и вымыслы некоторых чересчур завистливых “проклятых братьев-писателей” полагаться, право, не стоит.

Подлинники рукописей первой и второй книг романа “Тихий Дон” Шолохова, написанные и правленные его рукой, обнаружены в Москве, и сейчас они хранятся в Институте мировой литературы имени Горького. Об этом уже написаны книги, исследования не только российских, но и зарубежных ценителей художественного слова.

И если Евтушенко не читал эти работы, то очень советую ему ознакомиться с ними. Тогда, может быть, сам собой отпадет его неуместный совет Шолохову.

Когда-то в далеком 1965 году Евтушенко написал прекрасное стихотворение “Идут белые снеги”, в котором есть строки:

Пусть я прожил нескладно —
для России я жил.

Этим словами мне и хочется закончить свой небольшой рассказ о популярнейшем поэте-шестидесятнике Евгении Александровиче Евтушенко, чье творчество и общественный темперамент играли, на мой взгляд, немаловажную роль в борьбе за свободу творчества и права личности в СССР и России.

Альберт БЕЛЯЕВ
Фото
Александра КАРЗАНОВА